

11. Национальная безопасность Республики Беларусь / С. В. Зась [и др.]; под ред. М. В. Мясникова, Л. С. Мальцева. – Минск: Беларус. навука, 2011. – 557 с.

12. *Бернацких, И. В.* Модернизация военной сферы современного российского общества: военно-политический анализ: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / И. В. Бернацких. – М., 2018. – 199 с.

13. *Ксенофонтов, В. А.* Социальная роль военной сферы национальной безопасности / В. А. Ксенофонтов // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2021. – Т. 66, № 4. – С. 391–401.

14. *Ксенофонтов, В. А.* Гибридная агрессия как тенденция социального насилия / В. А. Ксенофонтов // Выш. шк. – 2022. – № 1. – С. 45–51.

(Дата подачи: 13.01.2022 г.)

Т. В. Медведок

Белорусский государственный аграрный технический университет,
Минск

T. V. Medvedok

Belarusian State Agrarian Technical University, Minsk

УДК 111

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ОСНОВНЫХ ПОДХОДОВ В ПОНИМАНИИ И ОПРЕДЕЛЕНИИ РОЛИ ИРОНИИ

HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL RECONSTRUCTION OF THE MAIN APPROACHES IN UNDERSTANDING AND DETERMINING THE ROLE OF IRONY

В статье исследуется генезис иронии в контексте особенностей развития философских идей. Показана изменчивость философского осмысления иронии в различных конкретно-исторических обстоятельствах, особенно в постмодернистской философии. В статье утверждается, что в творчестве многих философов возможно обнаружить разного рода явления иронии; однако в ходе истории ирония претерпела значительные изменения, с легкостью приспосабливаясь к любым типам философствования. Развитие иронии в пространстве философии осуществлялось по пути расширения круга объектов, вовлекаемых в сферу ее анализа.

Ключевые слова: ирония; сократовская ирония; романтическая ирония; постмодернистская ирония; истина.

This article explores the irony genesis in the context of philosophical ideas development. The author shows how irony was understood in different philosophical approaches and historical circumstances, especially in postmodern philosophy. The article argues that it is possible to detect all kinds of irony's manifestations in the many philosophers' works. However, irony

has undergone significant changes in history, easily adapting to any philosophical type. The development of irony in the philosophical space was carried out through expanding the circle of objects involved in its analysing.

Keywords: irony; Socratic irony; romantic irony; postmodern irony; truth.

Ирония на протяжении длительного времени вызывает повышенное внимание к себе со стороны разнообразных направлений гуманитарного знания. Как полифункциональное явление ее исследуют философы, филологи, психологи, специалисты по эстетике и семиотике. Иронию трактуют то предельно широко – как мировоззрение, то достаточно узко – как употребление слова с позитивным значением для обозначения реально негативно явления с целью насмешки.

Ирония является довольно сложным объектом научных исследований. До сих пор не сложилось единого мнения относительно ее природы, своеобразия, роли в обществе, возможности обнаружения универсальных законов ее функционирования. Примечательно, что практика выражения иронического отношения в пространстве текстов реализуется задолго до того, как возникает сам термин. По мнению Э. Рейсса, ирония имеет место в текстах самых разных эпох: «Ирония, хотя и не само понятие, наполняет книги Гомера и Ветхий Завет: в разных формах она проникает в греческую трагедию и комедию: «Метаморфозы» Овидия – это, возможно, справочник в большей степени по иронии, чем по мифологии; и самые ранние стихи, написанные на древнеанглийском, наполнены иронией» [1, с. 25].

По мнению многих исследователей, возникновение иронии – это закономерный итог появившегося напряжения между индивидом и обществом, обособление и отделение человека, которое не могло осуществиться мгновенно. Ирония по своему содержанию отрицает устаревшее и иллюзорное, вскрывает ограниченность «охранительных идей», преодолевает конформизм мышления.

Непреходящий интерес к проблеме иронии свидетельствует о том, что необходимо исследовать конструкцию и организацию иронии в области философского познания, с необходимостью принимая во внимание подвижность и неоднородность философских учений и идей. Сократ и Аристотель, Ф. Шлегель и С. Кьеркегор, К. Маркс и Р. Рорти, а также многие другие мыслители не смогли пройти мимо иронического способа существования и иронического способа мышления, каждый раз обнаруживая все новые и новые философские возможности иронии. Цель данной статьи – осуществление философской ретроспективы становления иронии с обнаружением ее особенностей проявления в различных конкретно-исторических обстоятельствах.

Первое упоминание об иронии в контексте философского знания принадлежит Платону, который дал характеристику иронии как способу ведения диалога Сократом. Платон положительно оценивал иронию, соотнося

ее с отысканием истинного знания, и не обращался к распространенным тогда представлениям о ней как о намеренной лжи.

Собственным благожелательно-лукавым самоуничижением Сократ вынуждал собеседника войти в логический лабиринт, из которого необходимо было самостоятельно отыскать выход. Однако своими наводящими вопросами обнаружить выход помогал сам Сократ. Его вопросы, загонявшие в тупик «умудренных знаниями» собеседников, подталкивали к движению от мнимого всезнания к обнаружению границ собственного незнания ради последующего отыскания истины.

Собеседники Сократа, имеющие в своем арсенале только «гарантированные истины», оказывались в ситуации необходимости дать отчет о состоятельности своих представлений. «Любое положение, к которому они с Сократом приходят, обнаруживает свою ироническую ограниченность, каким бы интересным и исчерпывающим оно не казалось с самого начала, и обнаруживает характер философской истины как самого движения мысли» [2, с. 10].

После Платона понятие иронии в античной философии утрачивает ведущую роль в процессе познания. Так, к примеру, у Аристотеля ирония выступает в качестве фигуры риторики.

«Позднее ирония рассматривалась только как отрицательное явление, проявление враждебности и после смерти Сократа не пересекалась с философией вплоть до XVIII столетия. Ее рассматривали как риторический прием, троп, образованный ложью, используемый для осмеяния» [3, с. 127].

В творчестве представителей немецкого романтизма ирония становится универсальным принципом мышления и творчества. Теория романтической иронии наиболее глубоко была разработана Ф. Шлегелем и К. Зольгером. Но если для Зольгера ирония была прежде всего эстетическим феноменом, то для Шлегеля она является одним из фундаментальных понятий философии.

Посредством иронии романтики обнаруживают парадоксально-противоречивую сущность универсума и человека, расположенного внутри него. Постоянное чередование серьезного и несерьезного, бесконечное пародирование, снятие всего действительного, ставшего и одностороннего, – на эти особенности иронии указывают романтики. Как писал Ф. Шлегель, «...ирония – это единственное и вместе с тем вполне обдуманное притворство... В ней все должно быть шуткой и все должно быть всерьез, все чисто-сердечно открыто и все глубоко сокрыто» [4, с. 287].

Характерное для романтической иронии критическое отношение к действительности обнаруживает, что данная действительность постигается в своей изначальности как нечто дефектное, не обладающее статусом подлинности. Ирония у романтиков возникает как знак дистанции между несо-

вершенством и неполнотой объективированного смысла. Данная ирония отрицает законченность и окончательность в художественном образе, но она отрицает их и в реальном течении жизни, как если бы жизнь поддавалась совершенствованию по примеру создаваемого искусством, переписыванию и перерисовыванию. Романтик, не придавая ничему вне себя серьезного значения, охвачен чувством, что все возможно. Именно ирония должна была содействовать синтезированию различных духовных форм, поскольку она разрушает самодовольную серьезную пресыщенность. Свобода в иронии романтиков достигает своей наивысшей явленности, и человек выходит за границы, которые были воздвигнуты воспитанием, образованием, профессиональной деятельностью. Ирония не только опровергает действительность, но становится обоснованием воображаемого как реального. В отличие от логической иронии Сократа, ирония романтиков алогична и вводит в иллюзию. Сама проблема истины исчезает из их поля зрения – романтики ее определяют через игру.

Следует принимать во внимание (несмотря на имеющую место значительную разницу между ними), что эти два вида иронии – сократовская и романтическая – являются формами развития иронии вообще. Соответственно, если предметом действия античной иронии оказывается сфера личностного знания, то в романтической иронии происходит расширение ее объема: здесь предметной областью иронии, помимо личностного знания, становится искусство.

Ирония С. Кьеркегора хотя и является продолжением и развитием романтической, но исходит из обращения к Сократу. Отвергая абстрактно-рациональные средства приобщения к миру христианских ценностей и веры, датский мыслитель разработал представление о человеческом существовании как движении, последовательном восхождении от эстетического способа бытия через этический к религиозному. Уникальность человека, согласно С. Кьеркегору, состоит в его неуловимости, постоянных переходах, осуществить которые он не мог бы без иронии. Ирония трансформируется у него в мировоззренческий путеводитель, который способен вывести к Богу, а также ориентирует человека не только в окружающей действительности, но и в его внутреннем мире.

В XVII–XIX вв. начался кризис механистического детерминизма в мировоззрении мыслителей того времени. Это предопределило то, что строго обусловленные причинно-следственные зависимости, свойственные природе, оказались малопригодными, когда с их помощью пытались объяснить явления общественной жизни и поведение людей в процессе исторического развития. В анализе критических ситуаций исторических событий исключительное значение приобретает понятие «ирония истории», дающее возможность свести воедино осмысление того, что есть, что будет и что должно быть.

Впервые феномен иронии истории был рассмотрен Г. В. Ф. Гегелем в работах «Лекции по истории философии» и «Философия истории». Данный феномен немецкий философ назвал «всеобщей мировой иронией», «хитростью разума» [5, с. 127]. Термин «ирония истории» получил широкое распространение в сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса и оказался достаточно востребованным для характеристики отношений и взаимодействия микро- и макропроцессов истории.

С. Ф. Денисов замечает, что «...должна появиться и такая ирония, объектом которой будет все человеческое бытие: ирония, для которой уже не будет запретных областей; ирония, проникающая везде и всюду. Такой новой эволюционной формой иронии стала ирония постромантическая или постмодернистская» [6, с. 99].

Особый статус ирония обретает в культурно-философском пространстве постмодерна, фундированного идеей вторичности происходящего в культуре. Так, ирония начинается с требования «положить начало генеральной инвентаризации духовного имущества» и выливается у М. Фуко, Р. Барта, Р. Рорти, Ж. Деррида, Ж. Делеза, Ж.-Ф. Лиотара и других мыслителей в критику языка как критику основоположений культуры и цивилизации, начатую Ф. Ницше и Л. Витгенштейном.

Прочно укоренившись в философии постмодерна, ирония свидетельствует о том, что не существует искомой первозданности на уровне онтологии, и ставит под сомнение перспективы оригинальности в сфере творчества. Оказываясь неотъемлемым признаком нынешнего времени, ирония обнаруживает нашу способность не воспринимать себя таковыми, какие мы есть.

Постмодерн отрицает истину, но не истину как таковую, а как нечто целостное, абсолютное и неизменное. Истина обнаруживает себя как продукт субъективных исканий человека, не обладающий какой-либо реальной объективностью. Ироническое отношение отныне оказывается направленным всецело против пугающей серьезности здравого смысла, но не в традиционном сократовском значении.

Если сопоставить иронический метод Сократа и постмодернистскую иронию, то метаморфозы, которые пришлось претерпеть последней, будут довольно очевидны. Так, Сократ при обсуждении различных вопросов государственной и частной жизни виртуозно превращал процесс добывания истины еще и в дополнительное раскрытие внутреннего мира человека, в результате чего диалог оказывался серьезным духовным испытанием, предполагающим реализацию не только интеллектуальных, но и нравственных сил. Если древнегреческий мыслитель иронизировал над мнением обывателя, утверждая при этом идеальные и вечные конструкции, то ироник эпохи постмодерна – своеобразный номиналист, главной задачей которого является столкновение различных словарей (одинаково приемлемых для

него) для переописания их и самого себя. Например, у Р. Рорти ироник – это автономный творческий индивид, созидающий себя благодаря случайности, а не обнаруживающий некие готовые истины. Ироник вынужден подвергать непрестанному радикальному сомнению «конечный словарь» личности, для него ничто не обладает внутренней свободой, реальным содержанием. Механизмом осуществления иронии выступает игра, позволяющая избежать абсолютизации одной из версий возможного опыта, задавая тем самым область реального пространства свободы.

«Р. Рорти предпочитает вести речь о современном уровне философствования как уровне воображения, истории и случая, а не отыскания одной и единственной метафизической истины, имеющей вневременной характер» [7, с. 104]. Таким образом, в постмодернизме идея истины оказывается избыточной, излишней, и в этом случае индивид оказывается один на один с «организованной» им множественностью суждений.

«Если классический философский канон исходил из устойчивости, целостности мироздания, наличия мудрости и любви к ней, метафоры “вертикального” взгляда сверху вниз, то иронический канон предлагает паранормальный, отстраненный взгляд на прошлое вдоль горизонтальной оси» [8, с. 195].

В таком случае целью иронии философии постмодернизма оказывается построение, конструирование воображаемых миров разного порядка и уровня, причем акцент делается на ироническом движении, переходах от одного смысла к другому, противоположному первому. Данная направленность постмодернизма имела своим следствием, в частности, то, что в эпоху постмодерна целью научного познания стало не раскрытие истины, а постановка ее под сомнение, например, посредством иронии.

Таким образом, можно обнаружить, что развитие иронии в пространстве философии осуществлялось по пути расширения круга объектов, вовлекаемых в сферу ее анализа. Так, первым в поле зрения иронизирующих философов оказывается включен сам человек, его качества, смыслы, которыми он наделяет окружающий мир. Философское содержание иронии зарождается в диалогах Сократа, который ознаменовал софистический поворот от натурфилософии к человеку как центральной проблеме древнегреческой философии. Затем ироническая оценка насыщает представления индивида об окружающем мире во множестве его взаимосвязей, и романтическая ирония становится инструментом отрицания всех авторитетов и традиций, своеобразной рефлексивной дистанцией, которая дает возможность погрузиться в историю или искусство, но не позволяет совершить окончательный выбор. По мере развития и усложнения социальных отношений и структур иронические интонации активно проникают в философские учения об обществе. На сегодняшний момент конечным пунктом развития иронии оказывается постмодернистская парадигма, в которой ирония направлена

на культуру в целом, а иронизирование трансформировалось в обязательный атрибут философствования. В философском дискурсе постмодернизма предмет иронической теории – сама метафизика, цель – понимание метафизической потребности и освобождение от нее.

Список использованных источников

1. *Шилихина, К. М.* Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / К. М. Шилихина. – Воронеж, 2014. – 399 с.
2. *Серкова, В. А.* Ирония в философском мышлении: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / В. А. Серкова; ЛГУ. – Ленинград, 1989. – 16 с.
3. *Зинченко, Н. С.* Ирония как многоаспектный феномен: методологические основы анализа художественного дискурса / Н. С. Зинченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 3(57): в 2 ч. – Ч. 1. – С. 126–130.
4. *Шлегель, Ф.* Эстетика. Философия. Критика: в 2 т. / Ф. Шлегель. – М.: Искусство, 1983. – Т. 1. – 479 с.
5. *Медведок, Т. В.* Гносеологические аспекты «иронии истории» / Т. В. Медведок // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки. – Минск: РИВШ, 2017. – Вып. 16. – С. 267–272.
6. *Денисов, С. Ф.* Философско-антропологическая специфика иронии / С. Ф. Денисов, Л. В. Денисова, Л. М. Дмитриева // Омский научный вестник. – 2013. – № 2. – С. 97–100.
7. *Черданцева, И. В.* Особенности постмодернизма как антиметафизической формы философствования и возможности иронии / И. В. Черданцева // Известия Алтайского государственного университета. – Барнаул, 2005. – № 4. – С. 100–106.
8. *Дробышева, Е. Э.* Модус иронического в архитектонике современной культуры / Е. Э. Дробышева // Studia Culturae. – 2011. – № 12. – С. 190–207.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)